

Интервью поступило в редакцию 30.03.07

ИННОВАЦИИ ПРИДУМЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ: ОНИ ИДУТ ОТ САМОЙ ЖИЗНИ

«Вторая школа» — известный московский физико-математический лицей. Школа прославилась не только высоким уровнем образования, но и своей богатой и интереснейшей историей, которая насчитывает уже 56 лет. Еще в 60-е годы она отличалась от многих других школ прежде всего уникальным преподавательским составом. Учителя школы, некоторые из них известные диссиденты, прививали своим ученикам свободомыслие и умение самостоятельно рассуждать. Неудивительно, что в школе гармонично сочетались и точные науки, и гуманитарные предметы. Выпускники вспоминают, что школу нередко в шутку именовали как физико-математическую с гуманитарным уклоном. Эту яркую особенность лицея пытаются сохранить до сих пор. На эту тему мы беседуем с **директором школы Владимиром Федоровичем Овчинниковым и его заместителем по науке Александром Кирилловичем Ковальджи**.

— Можно ли говорить о том, что одна из главных идей вашей школы действительно заключается в соединении высокого уровня физико-математического образования с таким же хорошим уровнем гуманитарных знаний?

В.Ф. Если обращаться к истории, даже трудно сказать, какие предметы тогда — в 60–70-е годы — преподавались сильнее, ярче и интереснее — физико-математические или гуманитарные, литература и история. Мы никогда не устраивали соревнований между предметами. И дети, и родители, и мы сами — работники школы — были очень довольны этим фактом и всегда, конечно, поддерживали и берегли эту особенность.

— Почему для вас так же важно и сегодня соединить гуманитарное образование и математическое? Ведь сейчас можно наблюдать тенденцию к тому, чтобы сделать образование более узким — для формирования узких специалистов.

В.Ф. Нет, такой тенденции нет. Все-таки российское образование всегда отличалось своей широтой. Другое дело, что мы попали в полосу реформ, инноваций, подчас не очень удачных, подчас не очень проверенных, подчас не очень перспективных... В этом смысле сегодня другие времена. К тому же сейчас дети другие — они более прагматичные. В старших классах они ставят своей задачей не только получение знаний, удовлетворение интереса к ма-

тематике, физике, информатике, но и сугубо практические цели — поступление в вуз, подготовка к нему. И родители их тоже так ориентируют. Поэтому несколько другая атмосфера и в школе.

Есть ведь и еще одна проблема. В свое время нам удалось подобрать блестящую плеяду учителей гуманитарных предметов. Не случайно после разгрома школы многие не могли найти себе работу и уехали в страны Европы и Соединенные Штаты. Сейчас совсем другое время, и гораздо труднее найти выдающихся учителей. У нас очень хорошие учителя, и, конечно, они соответствуют высокому уровню, но такой яркости, эрудированности, блеска, наверное, у нас все-таки нет.

— *Александр Кириллович, а на ваш взгляд, удастся ли сейчас в школе сочетать математическое образование с гуманитарным?*

А.К. Как мне кажется, это вопрос не только сегодняшнего времени. Это более глобальная проблема. Тут нужно понимать, какой запрос образования приходит к нам. Это двусторонний процесс: во-первых, есть запрос, который поступает «сверху», от общества, от бизнеса. С этой точки зрения сейчас действительно наблюдается ориентированность на получение более узкого образования, нужны специалисты в очень определенной, узкой области. А если брать запрос от личности, то человек должен чувствовать себя образованным, он должен чувствовать, что он представитель не какой-нибудь технической системы, а именно представитель *homo sapiens*. В этом смысле, конечно, нужно образование широкое. Поэтому все достижения человечества, которые могут обогатить личность, должны стать частью личности.

Что касается инноваций в нашей школе, то мы специально никогда не ставили себе цель быть в чем-то лидерами, это все идет от жизни. Раньше требовалось воспитание научно-технической интеллигенции, поэтому в школе были организованы «программистские» классы, сборочные цеха, потом это все переросло в более углубленное изучение физики и математики, потом оказалось, что это востребовано как со стороны детей, так и со стороны университетских работников. И сейчас такой запрос есть, однако есть и некоторые новые тенденции, например, заметен сдвиг в сторону компьютерных технологий. Поэтому возникают очень интересные научные взаимоотношения между физиками, математиками и информатиками — наши дети проводят свои исследования на стыке этих областей науки. Но тем не менее у нас есть ощущение, что математика лежит в основе. Поэтому приемные экзамены у нас в основном по математике.

— *Я видела, что в программе экзаменов обязателен диктант по русскому языку.*

А.К. Да, конечно, человек должен быть грамотным независимо от того, историк он или математик.

— *А дети, которые выбрали математику или физику, соглашаются изучать литературу или историю, т.е. гуманитарные предметы, так же глубоко, как и любимые технические?*

В.Ф. Мы же их не «перекармливаем», т.е. не требуем посещения каких-то специальных циклов лекций. Поэтому у детей нет оснований для сопротивления, они просто должны пройти определенную программу. Наоборот, я думаю, что если бы нам удалось найти каких-то интересных лекторов на факультативные занятия, то дети стали бы активно ходить туда. И даже несмотря на то, что они сейчас в большей степени прагматики и им, как правило, не хватает свободного времени. На мой взгляд, все зависит от лектора, это должен быть блестящий учитель, который сможет их «зацепить за живое».

Тут есть еще и другая проблема: если ребята не получат достойного гуманитарного образования в школе, то многие из них не смогут больше нигде восполнить этот пробел — ни на вузовской скамье, ни потом в жизни. Это большая опасность. Я об этом все время думаю.

— Ваша школа считается одной из лучших в Москве. Как вы сами думаете, это объективная точка зрения?

В.Ф. Сейчас — и не только в Москве — в связи с президентскими грантами очень широко распространяется разделение школ на лучшие, средние, худшие. Такое, если можно так сказать, «рейтингование школ», с моей точки зрения, очень опасно. Это вызывает и некоторое трение, недоверие, отчуждение между учителями и школами. Очень трудно определить место школы. И вредно его определять. Если школа живой организм, то она своеобразна по своему. В одной школе очень хорошо организованы внеклассные занятия, в другой — детей учат самоуправлению, в третьей — хорошо преподают гуманитарные предметы и т.д. И каждая школа — это свой интересный, творческий и замкнутый мир (кроме, может быть, совершенно бездарных — такие тоже, к сожалению, есть). Как можно их сравнивать?

— Расскажите, пожалуйста, как происходит отбор в вашу школу?

В.Ф. Во-первых, хотя мы официально об этом нигде не говорим, отбор ведется через вечернюю математическую школу. В этом году у нас занимаются там несколько сот детей, начиная даже с начальной школы. Дети ходят на занятия к нашим преподавателям, занимаются со студентами старших курсов. Во-вторых, проводятся тестирования — Александр Кириллович разработал очень интересную тестовую программу. Потом мы проводим ознакомительные уроки, они называются пробными. И мы каждый раз говорим, что это просто знакомство с детьми, а не проверочная работа, регулирующая поступление в школу. Очень активно у нас работают психологи. Они знакомятся с ребятами, проводят свои психологические тесты. Наконец, приемная комиссия, имея уже комплексное знание о ребенке, определяет, может ли ребенок учиться в школе. Бывает так, что человек очень хорошо проходит по всем предметам, но психологически он не готов, ему вредно сильно нагружаться. Занятия в школе могут для такого ребенка оказаться излишней перегрузкой.

А.К. Наша психологическая служба не носит зачетного характера, она, скорее, рекомендательная. Некоторые родители, например, пытаются определить к нам своего ребенка, который на два года младше положенного возраста. У такого ребенка могут не сложиться отношения с одноклассниками. И воспринимать литературные произведения ему будет сложно. Иногда из общения с ребенком мы понимаем, что его интересы лежат совершенно в другой области, а родители с помощью репетиторов его усиленно «натаскивают», чтобы он поступил именно к нам. Ребенок просто не сопротивляется родителям, а его сфера интересов зачастую просто еще не сложилась.

— *Были ли в вашей практике такие случаи, когда ребенок поступал в школу, а потом не выдерживал и уходил?*

А.К. Да, к сожалению.

В.Ф. У нас первые полгода обучения в новых классах — это очень трудный период и острейшая проблема. Дети иногда приходят из таких школ, где уровень преподавания крайне низкий, где детей не учат, а обманывают.

А.К. По поводу тестов я бы хотел сказать следующее. Здесь я исходил из тезиса о том, что ребенок может воспринять новый материал, только если он достаточно подготовлен к его восприятию. Если мы строим дом, то, чтобы нам построить десятый этаж, должны быть построены хорошо предыдущие девять этажей. Если ребенок половину материала не понял в шестом классе, а пытается поступить в седьмой, то, конечно, сначала надо решить проблемы с непонятым материалом.

В.Ф. Дело в том, что эти проблемы все равно «вылезут». Если бы их можно было обойти... Ребенок ведь сам старается их обойти, и проблема от этого только усугубляется.

А.К. Опыт показывает, что эти проблемы не решаются, а, наоборот, потом только укореняются. Ребенок не понял какую-то тему, и он пытается ее обойти, она вызывает у него страх. Тестирование у нас существует в неформальном режиме. Любой школьник из любой школы может прийти и протестироваться. Это абсолютно бесплатно. После тестирования ему даются некоторые рекомендации. Это должно помочь тем, кто действительно хочет к нам поступить и у кого есть способности. Дети, которые не справились с тестом, тоже сразу это видят. И, что очень важно, видят это и родители. После каждого тестирования я стараюсь обязательно побеседовать и объяснить ситуацию. Иногда родители очень неадекватно воспринимают многие вещи. Они думают, что это просто очень хорошая школа: главное сесть в поезд, а он тебя довезет куда надо. Отношение к школе как к сфере обслуживания. А то, что надо много работать, что это большая интеллектуальная нагрузка на ребенка, многие родители не оценивают. В этом смысле лучше не поступить, чем потом сойти с дистанции.

В.Ф. Тестирование — это не обязательная вещь, но очень полезная, и некоторые заботливые родители приводят своих детей.

А.К. В тестах очень простые задачи. Человек, который знает алгоритм решения, может решать за десять секунд. Ну, например, килограмм сыра стоит 80 руб., сколько стоит 300 граммов. Выясняется, что больше половины детей не способны решить эту задачу. Они мучаются, составляют пропорции, получают какой-нибудь абсурдный ответ — что 300 граммов стоят больше, чем килограмм. Для многих детей числа — это некие иероглифы, странные значки, с которыми можно что-то делать. А то, что их можно почувствовать как некоторую реальность, такое восприятие у детей не привито. И у многих таких детей, как правило, «вылезают» совсем другие проблемы. Ребенок просто не умеет учиться. Он учится для того, чтобы не ругала учительница, чтобы мама была спокойна, чтобы его уважали товарищи. Мотивы обучения смещены — он учится не для себя.

В.Ф. Да, он учится не для удовлетворения своего интереса, не потому что ему это нравится.

А.К. Тестирование, таким образом, выявляет проблему всегда очень конкретную: один ребенок не понял дроби, а другой — не знает пропорцию. И я им это объясняю. Школа, если она хочет быть хорошей, должна ставить акценты на конкретные проблемы каждого ученика. И сам процесс обучения должен быть очень индивидуализированный.

— *Вам действительно удается уделять пристальное внимание каждому из своих учеников?*

В.Ф. Да, конечно. Я понимаю родителей: они ведут своих детей в школу не только потому, что здесь учат неплохо, а потому что здесь хорошая атмосфера в классах — атмосфера взаимного уважения и ребят друг к другу и учителей с ребятами. И эта атмосфера, конечно, очень привлекательна для родителей. Об этом свидетельствует тот факт, что выпускники школы общаются друг с другом, встречаются, сохраняют память о школе. Родителей, безусловно, поражает индивидуальный подход к детям.

— *Куда поступают ваши ребята после окончания школы и могут ли они поступить в выбранный вуз без репетиторов?*

А.К. В основном дети поступают в МГУ на мехмат, физмат и ВМК, а также в Физтех. Что касается репетиторов, тут разные ситуации. Есть дети, которым никакие репетиторы не нужны. Но есть родители, которые считают, что без репетиторов нельзя, и насильно дают ребенку репетитора, который ему не нужен.

Кроме того, мы специально договорились с Физтехом. К нам в школу приходят преподаватели из этого института, которые детям специально рассказывают про вступительные задачи, про основные требования и т.д. В Физтехе к нам так хорошо относятся, что эти курсы для наших детей бесплатные.

— *Получаете ли вы какую-нибудь поддержку от государства, например гранты?*

А.К. Да, недавно мы получили грант, и все эти деньги потратили на компьютерные классы и физическую лабораторию.

В.Ф. Но с этим же грантом была куча проблем. Во-первых, мы должны были отчитываться каждую неделю, как мы расходует эти деньги. Кроме того, согласно условиям, если школа хочет купить что-нибудь стоимостью свыше 60 тыс., то продающая организация должна пройти очень жесткий конкурс. А организации не очень к этому стремятся.

А.К. Список оборудования, который мы представили, был очень урезан. Такое впечатление, что продающие организации, которые прошли тендер, хотели реализовать свои остатки. Да, здесь было очень много беготни.

— *Как вы относитесь к новым реформам образования?*

А.К. Очень многие реформы ведут к снижению уровня образования. Например, к ЕГЭ мы относимся очень негативно. К самим тестам я отношусь очень положительно, они хороши для текущего контроля. Но тесты в качестве выпускного или вступительного экзамена мне не нравятся тем, что там нет живого общения с абитуриентом. Экзамен обязательно должен включать в себя беседу с поступающим. Тесты как выходная форма перестраивают все образование — преподаватель должен быть озабочен тем, как «натаскать» ученика для этих тестов, т.е. проблема понимания уже не ставится. Есть типовая задача, ты должен ее научиться решать как автомат. Далее, тесты устроены так, что требуется поверхностный ответ. К тому же качество тестов очень и очень низкое. Выяснить, кто составляет тесты, как составляет тесты, абсолютно невозможно. Таким образом, тесты не проходят необходимой «обкатки». Хороший тест получается лишь тогда, когда его смотрят много специалистов, когда есть дискуссия, когда есть живой педагогический процесс. В нашей школе был один курьезный момент: когда мы первый раз проходили эти тесты, то мы их не прошли, хотя тесты были рассчитаны на обычный средний уровень. Оказалось, что во многих тестах были или очень некорректно поставленные вопросы, или вопросы слишком простые. И дети искали какой-то более глубокий ответ. Проблема тестов — это, конечно, комплексная проблема. Реформа образования, безусловно, была нужна. Но вместо того, чтобы организовать научную дискуссию с ведущими учеными о путях реформы, это все было отдано в чиновничьи руки. Внедрение ЕГЭ — это, на мой взгляд, самое простое, что можно было сделать. Ведь мы писали Открытое письмо президенту против внедрения ЕГЭ, оно было подписано 20 академиком, учителями, директорами школ. Но осталось безответным. Наша страна сильна, пока у нас есть хорошее образование, и это надо понимать. Если лет десять продержится тестовая система, то нам возрождать будет уже нечего. Реальное состояние образования чиновники не видят. А это состояние определяется прежде всего престижностью профессии учителя. До тех пор, пока она будет столь неуважаема, никакие методики не решат проблему образования.

И если уж серьезно говорить о реформе, то я бы не пожалел никаких денег, чтобы вкладывать их в учителя, не в методики, тесты, а именно в учителя, чтобы создать ему максимально комфортные условия.

Беседовала Е.Н. Пенская